
СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Материалы семинара

(*А. П. Назаретян, А. В. Коротаев, Д. А. Халтурина,
Л. Е. Гринин, Л. Б. Алаев, В. А. Мельянцев, А. Д. Панов*)

25 апреля 2007 года в Институте философии РАН под эгидой Фонда Розы Люксембург (Германия) состоялось заседание семинара по глобалистике (рук. А. Н. Чумаков) на тему: «Насилие как глобальная проблема: прошлое, настоящее и будущее». На семинаре были представлены четыре книги, посвященные обсуждаемой проблематике: *А. П. Назаретян. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2007; А. В. Коротаев, А. С. Малков, Н. Л. Комарова, Д. А. Халтурина. Законы истории. [Т. 1] Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. [Т. 2] Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М.: УРСС, 2007; Л. Е. Гринин. Государство и исторический процесс: в 3 кн. М.: УРСС, 2007; Л. Е. Гринин. Звезды без грима. О кумирах шоу-бизнеса, кино и спорта. М.: АСТ-Астрель, 2007.*

Предлагаем вниманию читателей выступления авторов.

А. П. Назаретян (главный научный сотрудник Института востоковедения РАН):

Тезисно изложу основные результаты, представленные в моей книге.

1. В дикой природе наблюдается положительная зависимость между естественной вооруженностью вида и силой естественного торможения внутривидовой агрессии – *правило этологического баланса*. Предполагается, что популяция химерических животных, сочетающих психологию безоружного голубя с клювом ястреба, была бы нежизнеспособной, поскольку слишком высокая доля конфликтов завершилась бы гибелью особей. Но именно такой химерой оказались первые представители нашего биологического рода,

Homo habilis, которые начали производить искусственные орудия (заостренные галечные отщепы – чопперы) и тем самым необратимо нарушили естественный баланс агрессии – торможения. Наступил *экзистенциальный кризис антропогенеза*, в результате которого большинство популяций *Homo* выжить не смогли. Согласно наиболее разработанной сегодня версии, сохраниться и положить начало новому витку универсальной эволюции удалось единственному стаду, в котором сформировался соразмерный фактор искусственного торможения агрессии. Таким фактором стал невротический страх мертвых. Невроз (некрофобия), заменивший недостающий инстинкт, послужил зачатком будущей духовной культуры.

2. Производство искусственных орудий началось около 1.5 млн. лет назад (Олдовайская культура), и с тех пор род *Homo* лишен естественных гарантий существования. Жизнеспособность проточеловеческих, а затем и человеческих коллективов во многом определялась зависимостью между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов поведения и внутренней устойчивостью общества. Зависимость, обозначенная как *закон техно-гуманитарного баланса*, выявлена анализом большого числа антропогенных кризисов и катастроф: *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества*. Гипотеза состоит в том, что указанная зависимость на всем протяжении человеческой истории и предыстории служила механизмом отбора жизнеспособных социальных систем и последовательной отбраковки сообществ, не сумевших своевременно адаптировать культуру саморегуляции к возросшим инструментальным возможностям.

3. Когда технологический потенциал превышает качество культурной регуляции, актуализуется *синдром Предкризисного человека (Homo prae-crisimos)*, включающий состояние массовой эйфории, ощущение вседозволенности и безнаказанности, комплекс катастрофофилии – иррациональную тягу к «маленьким победоносным войнам». Вследствие безудержного экстенсивного развития общество подрывает природные и/или геополитические основы существования и чаще всего гибнет под обломками собственного декомпенсированного могущества.

4. В ряде исторических эпизодов, когда антропогенный кризис охватывал масштабный регион с высоким уровнем культурного разнообразия, его обитателям удавалось найти кардинальный вы-

ход из эволюционного тупика. Это было каждый раз связано с комплексными изменениями, включающими *рост удельной продуктивности технологий, сложности социальной организации, информационной емкости индивидуального и коллективного интеллекта, качества социоприродных и внутрисоциальных отношений*. В книге подробно исследованы переломные эпизоды такого рода (неолитическая, городская, осевая и ряд других революций) с их причинно-следственными связями.

5. Достоверность гипотезы техно-гуманитарного баланса верифицируется по ее нетривиальным следствиям. Одно из них состоит в том, что в долгосрочной исторической тенденции *с ростом убийственной мощи оружия и демографической плотности доля жертв социального насилия от общей численности населения не возрастала, а снижалась*.

6. Для проверки этого вывода введено понятие *коэффициент кровопролитности* (отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения), которое использовано для сравнительно-исторических и кросс-культурных исследований. Расчеты, проведенные междисциплинарной группой исследователей, подтвердили предположение, вытекающее из общей гипотезы: на протяжении тысячелетий интенсивность социального насилия неустойчиво сокращалась. Даже XX век с мировыми и гражданскими войнами, концлагерями, ужасами геноцида и Хиросимой уступает по этому показателю любой прежней эпохе. Те же расчеты заставили по-новому взглянуть и на текущую ситуацию в мире.

7. Широко распространенное мнение о возросшем в современном мире насилии недостоверно. В действительности уровень политического и бытового насилия сегодня значительно ниже, чем когда-либо прежде в истории человечества. Наша озабоченность текущей ситуацией не должна заслонять факт исторической динамики: *никогда прежде средний «маленький» человек не был в такой мере защищен от политических и бытовых форм насилия, а также биологической агрессии (болезнетворные микроорганизмы, дикие животные и т. д.) и голода, как теперь*. Например, по данным ВОЗ, в начале XXI века среднегодовое число взаимных убийств в мире уступает числу самоубийств; такая ситуация исторически беспрецедентна.

8. Иллюзия *растущего* насилия обусловлена психологическим эффектом *ретроспективной аберрации*: с объективным улучшением обстановки в любой сфере социального бытия (экономическое

благополучие, социальная мобильность, политические свободы и т. д.) происходит опережающий рост ожиданий, сквозь призму которых динамика процессов воспринимается обыденным сознанием «с точностью до наоборот». Отсюда – неудовлетворенность нынешним положением дел.

9. Сокращение общего уровня насилия в современном обществе сопровождается небывалым *снижением порога чувствительности к насилию* (равно как к боли, смерти, грязи, дурным запахам и т. д.): каждое событие, содержащее насильственный компонент, вызывает гораздо более острое и массовое переживание, чем в любую прежнюю эпоху, и становится предметом пристрастного обсуждения. Многие уже готовы объявить «убийством» внутриутробные аборты по медицинским показаниям, тогда как в традиционных обществах широко распространены практики «постнатального аборта», т. е. намеренного умерщвления родителями «лишних» детей при полном равнодушии соседей. Локальный конфликт, в котором гибнет несколько десятков людей, остро переживается сотнями миллионов граждан на далеких континентах...

10. Но дело не только в психологических эффектах. В соответствии с законом техно-гуманитарного баланса, пропорционально мощи технологий кардинально возросла *цена насилия*: локальные события как никогда чреваты далеко идущими последствиями, включая угрозу глобальной катастрофы.

11. Различая понятия *угроза* и *опасность*, мы рассматриваем первую как фактор, способный нанести ущерб интересам субъекта, а вторую – как *величину, выражающую отношение объективной угрозы к готовности субъекта ей противостоять*. Новая технология (не только военная) часто представляет угрозу для существования общества, но она реально опасна лишь до тех пор, пока общество культурно и психологически не «приручит» ее и не выработает адекватный уровень самоконтроля. Например, очень серьезную угрозу для передовых цивилизаций своего времени несло огнестрельное оружие, раньше – стальное оружие, еще раньше – бронза, лук со стрелами и т. д.

12. После того, как произошла *гуманитарная притирка* к новой технологии (*fitting*), технология тем менее опасна, чем более она потенциально разрушительна. Так, от баллистических ракет в мире не погиб никто и, вероятно, уже не погибнет. От атомных бомб – самых первых и еще сравнительно маломощных – погибло (включая отсроченные жертвы) до трехсот тысяч человек. Танки,

артиллерийские системы и бомбардировочная авиация унесли миллионы человеческих жизней. Жертвами легкого стрелкового оружия пали десятки миллионов. А кухонные ножи и прочая утварь, используемая в бытовых конфликтах, всегда уносили больше человеческих жизней, чем все виды «специализированного» оружия, вместе взятые.

13. В целом человечество, пройдя через горнило локальных, региональных и в ряде случаев глобальных катастроф, смогло выработать достаточно эффективные средства контроля над естественными импульсами агрессии, чтобы дожить до наших дней. Но в прежние эпохи самоустранившиеся очаги цивилизации вытеснялись новыми, которые могли продолжить историческую эволюцию. Теперь ситуация существенно изменилась. За сто лет – с середины XIX до середины XX века – убойная мощь оружия возросла в энергетическом выражении на 6 порядков (в миллион раз!), что поставило планетарную цивилизацию на грань выживания. Впервые в истории сложилась ситуация, когда *для необратимой планетарной катастрофы достаточно сбоя в сознании небольшого числа активных персонажей* (имеющих доступ к «кнопкам»).

14. То, что с 1945 года удалось воздержаться от прямого применения самых разрушительных видов оружия, – грандиозное достижение человечества. Однако оно было оплачено канализацией глобальных противоречий в русло локальных вооруженных конфликтов. В общей сложности *в этих конфликтах погибло до 50 млн. человек*; тем не менее при ожидавшейся гибели сотен миллионов и миллиардов противостояние блоков во второй половине века называют «холодной войной». За это же время удалось достигнуть беспрецедентных по масштабу и эффективности международных соглашений – о прекращении ядерных испытаний в трех средах и других глобальных мероприятиях. Согласно ретропрогнозу, проведенному несколько лет назад, *если бы деятельность человечества оставалась такой же экологически грязной, какой она была в 1950–1960-х годах, то к 1990-м годам жизнь на планете сделалась бы невыносимой*, и население планеты форсированно бы сокращалось.

15. «Классическое» ядерное оружие, полвека назад поставившее человечество на грань выживания, сегодня *не представляет глобальной опасности*, поскольку человечество уже сумело его психологически «переварить», превратив в *инструмент сдерживания*. Появление этого оружия в США и СССР помогло предотвра-

тить наихудшие сценарии Третьей мировой войны. В Китае оно исключило возобновление гражданской войны, а притязания материкового Китая на Тайвань умерил «ядерный зонтик», раскинутый над последним американцами. Создание атомных бомб Пакистаном и Индией сразу прекратило вооруженные столкновения в спорном Кашмире, возобновлявшиеся ежегодно. И если бы в 1999 году в Югославии имелась атомная бомба, агрессия НАТО была бы исключена.

16. Риторика «борьбы за ядерное разоружение» не должна отвлекать внимание пацифистов от реальных проблем. Появление атомной бомбы в каждой «новой» стране создает *зоны, где затруднительно «устанавливать демократию» или «оказывать братскую помощь» силой извне*; это обстоятельство рождает невротическое беспокойство у правителей-монополистов. Категорически нельзя *передавать* (продавать) новейшие технологии третьим странам: модель техно-гуманитарного баланса и богатый международный опыт прошедшего века показывают, что это чревато серьезными локальными катастрофами.

17. Анализ исторических зависимостей в эволюционной развертке демонстрирует, что ненасилие – не функция слабости, а перспективная функция силы, реализующаяся через драматические уроки культурного дисбаланса. Поэтому при правильной постановке задачи противодействие угрозе военной катастрофы не следует путать с борьбой против оружия и армии: последние представляют собой ложную мишень для антивоенной деятельности. Оружие испокон веков служило не только средством убийства себе подобных, но также *средством жизнеспособности*. Прогрессивное преодоление кризиса всегда определялось *приведением гуманитарного сознания в соответствие с инструментальными возможностями* (притирка), а произвольное уничтожение технологий – это заведомо тупиковый путь. Оно повлекло бы регресс по всем параметрам социального бытия, включая допустимую численность населения, и всплеск насилия с использованием более примитивных технологий.

18. Практика военной локализации глобальных противоречий в XX веке уберегла человечество от планетарной катастрофы, однако *ее продолжение в XXI веке самоубийственно*. На повестке дня качественно новые технологии взаимного уничтожения (ядерные минарты, нанотехнологии, геновая инженерия, робототехника), все более дешевые и доступные. Вместе с тем повсеместный рост обра-

зования параллельно с усилением национальных фрустраций и политического терроризма – родового пятна цивилизации на переломе столетий – делает сохраняющуюся инерцию силовых конфликтов все более угрожающей. По выражению американского ученого Б. Джоя, век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения*. «Наукоемкий» политический терроризм, оснащенный все более изощренными технологиями «двойного назначения», становится таким же жестоким *средством воспитания* человечества, каким в XX веке послужила атомная бомба, а еще раньше (с удалением вглубь истории) – порох, сталь, бронза, лук со стрелами и т. д. При худшем сценарии он грозит стать могильщиком планетарной цивилизации, но при оптимальном сценарии послужит шоковым средством отрезвления.

19. Впервые в истории человечество столкнулось с жизненной необходимостью не просто ограничить или *упорядочить* насилие (для чего тысячелетиями служили религии и прочие макрогрупповые культуры, делящие людей на «своих» и «чужих»), но *устранить* его с политической арены. Несмотря на грандиозные успехи в развитии ненасильственных манипуляций, выработанные ранее средства культурного контроля недостаточны, а часто контрпродуктивны. К числу наиболее угрожающих тенденций относятся «религиозный ренессанс» и прочие формы реанимированного фундаментализма.

20. Опираясь на ряд концептуальных оснований, мы полагаем, что закон техно-гуманитарного баланса является общезначимым механизмом исторического отбора не только на Земле, но и везде, где эволюционирует инструментальный интеллект. Из теории систем следует, что во Вселенной должны реализоваться *все* возможные сценарии развития, и в таком случае мы, вероятно, являемся невольными участниками *универсального естественного отбора*. Консервативный механизм Вселенной складывается таким образом, чтобы декомпенсированная агрессия не могла вырваться за пределы планетарного локуса и превратиться в фактор универсальной деструкции. *Только обретя мудрость, соразмерную космически значимым технологиям, планетарная цивилизация становится готовой к выходу на космические рубежи прогресса.*

21. Планетарные цивилизации, не способные справиться с ускоряющимся технологическим прогрессом, *гибнут под обломками собственного могущества* и, таким образом, самоустраиваются из эволюционного процесса. Только те, которые смогут пройти чис-

тилище форсированных глобальных кризисов, выходят на космически значимые рубежи прогресса. Поскольку же в этой полифуркационной фазе число обвальных сценариев заведомо превышает число сценариев выживания, логично предположить, что кардинальное решение глобальных задач дается немногим. Не исключено даже, что по-настоящему космической суждено стать только одной планетарной цивилизации.

22. Расчеты показывают, что бифуркационная фаза в развитии Земной цивилизации еще не пройдена, но будет пройдена в течение двух-трех ближайших десятилетий. Таким образом, *ближайшему поколению людей предстоит определить, окажется цивилизация нашей планеты в числе продолжающих космическую эволюцию или в числе тех, которым суждено остаться расходным материалом Универсальной истории.*

23. Задача выживания Земной цивилизации упирается в успешность культурно-психологической адаптации человечества к быстро растущим техническим возможностям. Ключевой вопрос нашей эпохи – в том, успеет ли человечество *перерасти инфантильное мифологическое мышление* и достичь психологического совершенства прежде, чем сползание к пропасти самоуничтожения станет необратимым.

24. Адекватная задача гуманистической и пацифистской деятельности – в том, чтобы развивать и распространять формы *паллиативного критического мышления, неконфронтационной солидарности* («мы» без «они»), способствовать эффективному *атеистическому и интернациональному* воспитанию и становлению моральных ценностей, отвечающих ускоряющемуся развитию инструментального интеллекта.

ВОПРОС: По вашей концепции получается, что не нужно бороться с атомным производством в Иране?

А. П. НАЗАРЕТЯН: Да, получается, что сегодня уже не нужно. Если страна способна произвести ядерное оружие, ее территория выпадает из сферы непосредственных военных действий. Население и элита такой страны пребывают уже в сегодняшнем политико-психологическом поле, которое прошло фазу притирки к данному оружию. Опасность «классического» ядерного оружия минимальна потому, что его угроза глубоко осознана на уровне не только элитарного знания, но и массового инстинкта. Если страна способна самостоятельно создать такое оружие, то ее население не может оставаться вне глобального информационного поля. Прави-

тельства научились жить с этой угрозой, выработано соответствующее общественное сознание, адекватное понимание угрозы, освоены соразмерные механизмы ответственности, технического и психологического контроля. Это и есть «гуманитарная притирка». Опасения, что президенты или генералы начнут импульсивно разбрасывать атомные бомбы, преувеличены; скорее, обладание таким оружием превращается в фактор сдерживания, цивилизации и психологической модернизации.

ВОПРОС: Если все научатся производить ядерное оружие, по-вашему, наступит всеобщий мир?

А. П. НАЗАРЕТЯН: Временно и только на уровне государств. Но тенденция мирового развития такова, что государство теряет монополию на военные действия. Оружие становится все более дешевым и доступным, люди все более образованными, и контроль над самыми опасными средствами разрушения (сегодня, повторю, это уже *не* «классические» ядерные бомбы с баллистическими ракетами) выскользывает из-под контроля вменяемых правительств. Соответственно закону техно-гуманитарного баланса с новыми технологиями снижается «дуракоустойчивость» общества. В близком будущем группа придурковатых компьютерных гениев, побуждаемых групповой неприязнью, а то и простым азартом, может нанести глобальный ущерб. Технологии, применимые для полуподпольного терроризма по религиозным и прочим мотивам, развиваются непредсказуемо, и общество не успевает обеспечить адекватные культурно-психологические и технологические средства контроля. Вот в чем я вижу реальную опасность для мировой цивилизации...

ВОПРОС: Каковы механизмы религиозного ренессанса, и как преодолеть эту угрозу? Ведь религия отвечает глубинным потребностям человека?

А. П. НАЗАРЕТЯН: Да, как и война. Это очень серьезный вопрос, и в книге он подробно обсуждается. Инфантильная потребность в родительской опеке, рабская потребность в хозяине, тяга к острым эмоциональным переживаниям (страха, ярости, боли), наряду с сугубо «духовными» потребностями в аффилиации, самопожертвовании, смысле жизни – сложно переплетенный комплекс функциональных мотиваций делает крайне трудной задачу преодоления исторической инерции. Религия – это архаический механизм объединения людей путем противопоставления их другим людям

по признаку приверженности набору сакральных символов. За последние две с половиной тысячи лет, начиная с осевого времени, человечество изобрело альтернативные механизмы солидарности (они описаны в книге), которые по большому счету востребованными становятся только теперь. Я думаю, что выживание планетарной цивилизации и ее выход на космические рубежи эволюции во многом зависят от того, сумеет ли человеческий разум достигнуть совершеннолетия, освоив критическое мышление и неконформационные методы объединения. Предпосылки к этому есть, но процессы противоречивы и нет уверенности, что это будет достигнуто...

ВОПРОС: Религиозный ренессанс – это, по С. Хантингтону, Реванш Бога. Сегодня выходит – не реванш Бога, а реванш богов. Если боги все-таки разные, каждый бог имеет определенную идею. Может быть, какая-то интегральная религия сыграла бы объединяющую роль?

А. П. НАЗАРЕТЯН: Я думаю, это исключено. И именно потому – не удивляйтесь, – что при всем многообразии богов и религий между ними гораздо больше общего. Ближневосточные религии без обиняков декларируют: «Кто не со Мной, тот против Меня»; «Не мир пришел Я принести, но меч» (Евангелие); «А как встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее» (Коран) и прочее в том же духе. Даже Августин, первый христианский теолог, боровшийся со своими бывшими единомышленниками – манихеями, параллельно разрабатывал концепцию священных войн. Некоторые средневосточные религии по исходным установкам ближе гуманистическому мировоззрению. «Какого бы бога ты ни чтил, Я отвечу на твою молитву» – говорит Кришна. Будда наказывает жреца «лишением обеих бровей» за то, что тот помешал замерзающему человеку согреться, разведя костер из его (Будды) деревянной статуи. Тем не менее исследователи отмечают, что и здесь, на уровне массового религиозного сознания, люди делятся на своих и чужих, различаются область мира и область войны. Религиозное сознание не способно функционировать иначе, и когда какое-либо вероучение плотно охватывало обширное культурное пространство, вскоре появлялись новые пророки, ереси, новые трактовки, дающие основание для вражды. Историческая потребность в устранении войны еще не созрела, и, как отмечает историк Ф. Контамин, Церковь никогда не осуждала войну как таковую, зато пацифистов всегда объявляла еретиками. Единственный дос-

тупный религии механизм противодействия войне состоит в том, чтобы найти нового врага и натравить на него воюющие стороны.

ВОПРОС: Я хотел бы коснуться прогностической стороны. Как экономист знаю, что у моих коллег ничего с прогнозами не получается. В 1914 году было ощущение кризиса, но авторитеты доказывали, что войны в Европе быть не может. Перед кризисом 1929 года уверяли, что он исключен. Рост невероятный был в те годы, на 6 % в год. Я не могу найти каких-либо критериев, которые бы дали распознать, что нам светит. Мне интересно, мы действительно можем что-нибудь хорошее по каким-либо признакам прогнозировать? Откуда у вас оптимистичный взгляд?

А. П. НАЗАРЕТЯН: Чуть ли не единственное «оптимистическое» утверждение книги состоит в том, что род *Ното* просуществовал на этой планете более полутора миллионов лет и продолжает существовать в лице своего самого «странного» представителя – *Ното sapiens*. Этот тривиальный факт не допускает столь же тривиального объяснения, ибо человек, все более нарушая естественные балансы, по законам природы должен был бы давно исчезнуть с лица Земли и не раз был близок к этому. Главный вопрос в книге: почему люди до сих пор не разрушили окончательно среду своего обитания и не истребили друг друга? Впрочем, есть еще ряд относительно оптимистических суждений. Я показываю, что разум в принципе не имеет пределов инструментальной осуществимости и что очередная полифуркационная фаза в развитии Земной цивилизации пока не пройдена. Соответственно пытаюсь концептуально сконструировать условия и сценарий выживания. И в очередной раз убеждаюсь, что будущее не имеет лучезарных вариантов. Вообще же как прошлое, так и будущее исследуются сценарно. Лейтмотив книги в том, что прогресс – не цель и не самодовлеющая ценность, а *средство сохранения* неравновесной системы (природы или общества) в фазах неустойчивости. И во всех случаях речь шла о более или менее сознательном выборе меньшего из зол. Считаете ли вы оптимистическим утверждение, что даже при оптимальном сценарии собственно человеческая история подходит к концу и сохранение цивилизации потребует перехода в послечеловеческую фазу? Или что развитие интеллекта уже в обозримом будущем спо-

собно вернуть Вселенную к состоянию сингулярности? Лично меня все это совсем не радует...

ВОПРОС: Мне кажется, ситуация еще хуже, чем вы ее представляете. Происходит возвращение к старым истокам, хотя появляются новые технологии, генная инженерия порождает новые формы религиозности. Поэтому, если мы действительно хотим освободиться от религии, надо вести борьбу и против религиозного мышления. Согласны ли вы с этим?

А. П. НАЗАРЕТЯН: Разумеется. Не против христианства, ислама, индуизма и т. д., а за то, чтобы мифологическое (соответственно инфантильное и рабское) мышление вытеснялось мышлением критическим, объемным, т. е. за взросление человечества. Кстати, о неуместности и опасности традиционных религий в современном мире писали некоторые крупные теологи XX века. Фридрих Бонхёффер, немецкий священник, погибший в фашистских застенках, утверждал, что совершеннолетний мир, который сумеет обходиться без Бога, ближе к Богу, чем мир инфантильной религиозности. Английский писатель, философ и богослов Гилберт Честертон говорил, что религии будущего будут опираться на развитое чувство юмора...

ВОПРОС: Можно ли сказать, что вы открыли закон социального отбора? Параллельно с дарвинской теорией – в результате отбора выживает сильнейший. Чем больше оружия, тем больше вероятность выжить. И как вы относитесь к известному документу, который принял Второй Ватиканский собор 28 октября 1965 года, об отношении церкви к нехристианским религиям? Всемирное движение экуменизма – разве оно не снимает ваш тезис о конфронтационности религий?

А. П. НАЗАРЕТЯН: Здесь два вопроса. Что выживает сильнейший, самый вооруженный – я ничего подобного не утверждал. Даже Дарвин этого не утверждал – по крайней мере, в зрелые годы. Да, на раннем этапе он, вслед за Ж. Ламарком, полагал, что выживают самые большие и сильные особи. Но уже всю развилась палеонтология, были обнаружены, например, отпечатки птеродактиля, и возник вопрос: как же из птеродактиля мог получиться воробей? Дарвину пришлось отказаться от ламаркистского допущения, и он заимствовал у Г. Спенсера термин *the fittest* – наиболее приспособленный. Тогда это всех устроило, и лишь спустя десяти-

летия, с возникновением теории систем и появлением методологического критерия фальсифицируемости, было замечено, что образовался логический круг: выживает наиболее приспособленный, а критерием «приспособленности» служит выживание. Короче, современная, синтетическая теория биологической эволюции рассматривает этот вопрос совсем иначе... Тем более ламаркистский механизм неприменим к социальной истории, о чем вопиет вся моя книга. Технологии возрастающей мощности несут угрозу прежде всего для своих обладателей. Что же касается техно-гуманитарного баланса, об этом законе много писали и раньше, только не исследовали его так подробно, не обозначали таким термином и не разрабатывали процедур верификации. Приведу только два примера. В гениальной поэме Максимилиана Волошина «Путями Каина» на полусотне страниц поэтически изложена парадоксальная история человечества. Вот как он формулирует закон техно-гуманитарного баланса: «За каждым новым / Разоблачением природы / Идут тысячелетия рабства и насилий, / И жизнь нас учит, как слепых щенят, / И тычет мордой долго и упорно / В кровавую расплзшуюся жижу, / Покамест ненависть врага к врагу / Не сменится взаимным уважением, / В конечном счете только равным силе, / Когда-то сдвинутой с устоев человеком. / Ступени каждой в области познания / Ответствует такая же ступень / Самоотказа». А вот цитата из работы выдающегося культуролога Г. С. Померанца: «История – это прогресс нравственных задач. Не свершений, нет, но задач, которые ставит перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грехом пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось)». В таких цитатах – их можно умножить – отчетливо формулируется закон техно-гуманитарного баланса.

Теперь что касается второго вопроса. Если сегодня священнослужители в ярких нарядах вещают нам о равенстве всех религий и отсутствии монополии на истину, надо понимать, что все это либо шоу ряженных, либо лукавство в угоду политической конъюнктуре. Истинно верующий человек не может не считать свое богооткровение единственной истиной, а все прочие – язычеством и греховным заблуждением. И это убеждение рано или поздно начнет проклинать, стрелять, взрывать. Еще раз подчеркну, что религия и война (реальная или потенциальная) суть две вещи нераздельные...

ВОПРОС: Вы говорите – странно, что человечество не погибло. Может, странно, что оно не погибло с середины прошлого века? До того люди орудовали пиками, саблями, с XIII века – пушками, и все-таки они размножались быстрее, чем гибли.

А. П. НАЗАРЕТЯН: С появлением атомных бомб рост численности мирового населения продолжался и ускорялся. Мог ли род человеческий уничтожить себя до появления атомных бомб? В книге показано, что такая угроза существует не 100 и не 50 лет, она возникла более 1,5 млн. лет назад, когда впервые был нарушен эволюционный баланс, и что не раз человечество, а особенно передовые цивилизации своего времени, оказывалось на волосок от гибели именно в силу антропогенных эффектов.

А. Д. ПАНОВ: В книге Назаретяна есть глава, посвященная футурологии, которая наводит на следующие размышления.

В рамках «синергетической модели» (СМ) истории, представленной в книге, история планетарной цивилизации выглядит как закономерно воспроизводящаяся циклическая смена фаз ее развития. Процесс смены фаз имеет трехзвенную структуру: 1) экстенсивный рост и накопление избыточного внутреннего многообразия в «спокойном» периоде каждой из фаз; 2) исчерпание ресурсов экстенсивного роста на данном уровне эволюции и, как следствие, возникновение эволюционного кризиса; 3) преодоление кризиса с существенным использованием накопленного потенциала избыточного многообразия и переходом к новой фазе эволюции с усложнением системы и, главное, с ускорением эволюции на новой фазе и удалением всей системы от состояния равновесия.

СМ задает определенный способ понимания истории, что необходимо для понимания настоящего и будущего. Как можно использовать в этом смысле СМ? Здесь имеется фундаментальное ограничение, которое СМ содержит сама в себе. В каждой фазе истории процессы не просто ускоряются, но, как показывает независимый анализ, происходит это в режиме геометрической прогрессии – каждая последующая фаза истории короче предыдущей в среднем в 2,7 раза. История протекает в так называемом автомодельном режиме. Следствием этого является то, что СМ в полном объеме может работать лишь конечное время, завершаясь «сингулярностью истории» – моментом, когда длительность исторических фаз формально стремится к нулю, а частота эволюционных кризисов и со-

ответствующих им фазовых переходов – к бесконечности. При этом сингулярность падает на первую половину XXI века, т. е. мы являемся свидетелями завершения автотельного цикла истории (и эволюции вообще) длительностью в 4 млрд. лет.

Если, оставаясь в рамках СМ, мы хотим обсуждать, что будет потом, в «засингулярном» будущем, то начинать такого рода футурологический прогноз нужно с четкой констатации, что упомянутая выше трехзвенная система смены фаз истории не может больше работать, как раньше, – что-то в ней неизбежно должно сломаться. Противное означало бы сохранение автотельного режима ускорения эволюции, что невозможно чисто математически. Что же может измениться? Есть несколько возможностей. 1. Переход от прогрессивной эволюции к деградации, которая может иметь и характер обвала. 2. Эволюционные кризисы происходят, но они каким-то образом преодолеваются без перехода системы в состояния, более далекие от равновесия, поэтому эволюция не ускоряется. 3. Переходы в состояния, более далекие от равновесия, происходят, но почему-то без ускорения эволюции. 4. Само понятие эволюционного кризиса и фазы эволюции радикально изменяется или теряет смысл (например, система переходит в перманентное кризисоподобное состояние). Любой последовательный футурологический прогноз в рамках синергетической модели надо начинать с фиксации сценария, основанного на одной из подобных альтернатив.

В футурологической главе книги «Сладкоголосая Сирена Будущего», помимо разумной гипотезы, что в любом варианте будущего повышение уровня техно-гуманитарного баланса будет играть решающую роль, для постсингулярной истории предлагается полушуточный сценарий, представляющий, по сути, один из вариантов неудержимой космической экспансии сразу вслед за прохождением зоны сингулярности. На мой взгляд, такой вариант абсолютно исключен (даже в качестве шутки). В начале 70-х годов прошлого века была пройдена точка бифуркации, в ходе которой человечество отказалось от быстрой космической экспансии и космических амбиций. Были закрыты сначала марсианская, потом лунная советские программы, невероятно затянуты сроки ввода в эксплуатацию многоразовых транспортных систем, рухнули другие планы по освоению космоса. Если будущее для человечества и существует, то это *не* космическое будущее.

В. А. МЕЛЬЯНЦЕВ: Я с интересом ознакомился с книгой, это исследование, посвященное одной из наиболее актуальных тем, находящихся на стыке гуманитарных и естественных наук, – проблеме парадоксальной способности человека как вида выживать и развиваться.

В фокусе внимания – гипотеза техно-гуманитарного баланса, которая анализируется многосторонне в аспекте *longue durée*. Автор выясняет причины, по которым человечество, пройдя через множество социо-антропогенных кризисов, сумело, в отличие от других представителей биоты, превзойти по меньшей мере на пять порядков естественную вместимость экологической ниши.

В книге подчеркивается, что удивителен не только и даже не столько прогресс технологий, сколько совершенствование человеческого сознания, социальной организации и культуры, позволившее до сих пор избежать тотального взаимного истребления человечества или привести к необратимому разрушению природной среды. Доказательная часть исследования, основывающаяся на ряде фактов (в той или иной мере установленных) из Универсальной истории, социальной психологии, на аналогиях и иллюстрациях, имеющих отношение не только к биоте, но и к эволюции Вселенной, может быть усилена путем систематизации соответствующей демографической и иной статистики, разработки серии моделей, которые у читателя вызывают ощущение движения в сторону того, что в логике называется *clincher arguments*.

И все же коэффициент кровопролитности общества, применяемый автором для *всего человечества*, я бы с учетом XX века («Я устал от двадцатого века, от его окровавленных рек...»), *многих вполне конкретных геноцидов*, рассчитал не для всего человечества (средняя температура по больнице), а конкретнее – для определенных народов, в определенное время. Автор не считает книгу оптимистической, но как иначе можно оценить уверенность, что от межконтинентальных баллистических ракет никто «вероятно, уже не погибнет» (с. 192), тем более что несколькими страницами раньше сообщается, что мировая цивилизация с необычайно возросшим энергетическим потенциалом сделалась менее «дуракоустойчивой» (с. 185)?

Ввиду того что глобализация по-настоящему еще только началась, в мире усиливаются позиции полупериферийных стран и соответственно ослабляются позиции стран развитых; это, как показывает история, бесследно не проходит. Обострение конфликтов

практически неминуемо. В каких формах это будет происходить – критически важно для человеческой цивилизации.

Поэтому, в отличие от автора, если я его правильно понял, я полагаю, что рано подводить итоги развития человечества. Не ясно, от какого (полу)хаоса к какому виду организации («сборки») человечество идет. Ибо есть много возможностей для фатального исхода, которого хотелось бы всеми силами избежать. Эволюция от культуры страха к культуре стыда и далее к культуре совести далеко не для всех и не при всех обстоятельствах, к сожалению, стала необратимой.

В целом же, наверное, следует поздравить Акопа Погосовича с книгой, которая не только интересна, но и во многом – и это тоже ее достоинство – *provocative*. Она вряд ли оставит равнодушными читателей.

Л. Б. АЛАЕВ: Мне уже не раз доводилось участвовать в обсуждении гипотезы техно-гуманитарного баланса. По-прежнему считаю, что она, скорее всего, верна, потому что красива. Более того, она неоспорима, поскольку способность человека уничтожать себе подобных на протяжении истории и предыстории возросла многократно, однако человечество продолжает существовать и возрастать численно. Тем не менее этой гипотезе суждено остаться ценным *мировоззренческим постулатом*, и в качестве такового она заслуживает распространения среди историков, философов и теоретиков истории. Но статья полновесной теорией исторического процесса она едва ли сможет, поскольку не видно возможности ее строгого доказательства. Сравнительные расчеты коэффициента кровопролитности – остроумный прием, но все мы понимаем, насколько ненадежны эмпирические данные. Наверное, это можно считать первым, но еще очень далеким приближением к объективному доказательству...

А. В. КОРОТАЕВ: Наши с Акопом Погосовичем подходы в значительной мере различаются. Я всегда критиковал гипотезу техно-гуманитарного баланса и продолжаю критиковать. Почему? Мы представляем здесь книгу «Законы истории. Демография, экономика, войны», и легко догадаться, с какими факторами мы связываем динамику насилия, хотя не отрицаем и гуманитарных факторов и прямо ссылаемся на работы Назаретяна. Но Акоп Погосович утверждает, что взрывы насилия и внутренние войны в обществах происходят после периода подъема. Он частично прав, но

только применительно к обществам определенного типа, в частности к обществу современному. В традиционном обществе все с точностью до наоборот. В своей книге мы приводим довольно много фактического материала, и у нас гипотеза Назаретяна не подтверждается именно для традиционных обществ, где политико-демографические коллапсы и катастрофические взрывы насилия происходят после того, как на протяжении 60–90 лет ситуация все больше и больше ухудшается. Но в традиционных обществах периодов заметного роста уровня жизни вообще не бывало, логика здесь совсем другая: наиболее сносные уровни жизни наблюдаются как раз после политико-демографических коллапсов, когда происходит массовая депопуляция и выжившие получают в свое распоряжение большое количество ресурсов. Как в Европе после «черной смерти» – огромный процент населения вымер, зато уровень жизни тех, кто выжил, был довольно высок. Потом он стал падать, и когда ситуация дошла до критической точки, произошел колоссальный взрыв насилия, массовая депопуляция, и снова начался политико-демографический цикл. Может показаться, что к современности это никакого отношения не имеет. И действительно, в полностью модернизированных обществах логика меняется. Однако дело в том, что отнюдь не все общества сегодня модернизированы. Как мы показываем, в странах Тропической Африки очень простая закономерность: если три года среднее потребление продуктов питания составляет 1850 ккал на человека в день – ждите гражданской войны, поскольку это уже грань голодного выживания. В такой ситуации находятся многие народы: собрав урожай, люди понимают, что до следующего урожая не доживут. И если рядом какая-нибудь банда или отряд повстанцев, то присоединиться к ним – это просто рациональный выбор. Если ты будешь продолжать обрабатывать землю, то, скорее всего, погибнешь, а если присоединишься к бандитам или повстанцам (в традиционном китайском языке бандиты и повстанцы не различались, так как последствия от них одни и те же), то появляется шанс. Этот простой механизм действовал все тысячи лет существования человечества и продолжает действовать. Правда, сейчас – преимущественно в Тропической Африке, где еще не было стадии модернизации. Аналогичная ситуация в секторе Газа. Там подушевое потребление близко к 1850 ккал, и не случайно всплески насилия происходят не на западном берегу, более благополучном, а именно в секторе Газа, где присоединение к радикальным группам реально способствует сохранению собственной жизни.

Как мы объясняем, почему в XX веке рост численности и плотности населения сопровождался уменьшением числа внутренних войн? Например, сейчас население Китая почти в 4 раза больше того, что было в середине XIX века, когда произошел чудовищный политико-демографический коллапс и в результате Тайпинского восстания погибло 118 млн. человек. Сейчас признаков коллапса не видно, и взрывов насилия, сравнимых с теми, что были в середине века, не ожидается. Дело в том, что произошел резкий рост потолка несущей способности Земли – это ничуть не менее существенно, чем рост уровня морали в китайском обществе (не факт, что последний сильно вырос с середины XIX века).

Далее, Акоп Погосович приводит такой аргумент: за время существования человечества сила оружия выросла на тринадцать порядков, а значит, должна была усилиться мораль, чтобы все более мощное оружие как-то удерживать. Но разве у нас сейчас оружие значительно мощнее, чем у первобытных людей? У нас оружия гораздо меньше, чем у тех же бушменов, у которых есть отравленные стрелы. Здесь недоучитывается существенный фактор: люди не уничтожили друг друга в сложных обществах, потому что они просто разоружены, не учитывается банальный фактор развития политических институтов. Именно развитие политических институтов играет решающую роль.

Что касается России, мы выпустили на эту тему специальную монографию (Халтурина, Д. А., Коротаев, А. В. *Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России*. М.: КомКнига/УРСС, 2006), которая содержит развернутое изложение последнего экскурса представляемой книги. Динамика насилия за последние годы подвержена совсем уж специфическим факторам, и о них расскажет Дарья Андреевна Халтурина.

Д. А. ХАЛТУРИНА: Наши кросс-культурные исследования с привлечением данных, собранных для большого количества исторических эпох, позволили обнаружить достаточно четкие, понятные зависимости уровня внутреннего насилия от различных показателей, например от потребления продовольствия. Вместе с тем выяснилось, что Россия и Восточная Европа являют собой странное исключение. Во-первых, это страны с достаточно высоким уровнем культуры, с высоким процентом образованных людей и при этом – с зашкаливающим коэффициентом убийств. В чем же дело? Мы стали разбираться.

Хорошо известно, что в странах, где разрешено ношение оружия, убийств больше: например, в США их гораздо больше, чем в Великобритании. В России же ношение огнестрельного оружия не разрешено, это объяснение не работает.

Кроме того, в России аномально высокая смертность для ее уровня экономического развития, то же самое – Украина, Белоруссия, Казахстан, Прибалтика и до некоторой степени страны Центральной Европы. Какой же фактор выводит эти страны в качестве исключения из общих закономерностей? Выяснилось, что во всех этих странах распространена северная культура потребления алкоголя, т. е. потребление алкоголя в больших количествах – пусть редко, но с серьезной интоксикацией, только по выходным, но в огромных количествах и преимущественно в виде крепких напитков. В результате, по официальным данным, порядка 60 % убийств в России совершается нетрезвыми людьми.

По Уголовному кодексу РФ состояние алкогольного опьянения является отягчающим обстоятельством, и это выгодно скрывать, поэтому мы считаем, что действительный процент пьяных убийств еще выше.

Как только в России растет потребление алкоголя, резко растет и количество убийств, а как только хоть чуточку сокращается, то и количество убийств резко сокращается. В частности, 2006 год стал очень удачным для России. Был принят ряд поправок в закон о производстве и обороте этилового спирта, и – как следствие – заметно сократилось производство этилового спирта и крепких спиртных напитков, произошло заметное снижение потребления алкоголя. В результате не только смертность снизилась на 138 тысяч человек, но и уровень убийств в России упал на 20 % – это радикальное падение. Из чего следует, что российским властям необходимо и далее двигаться в том же направлении. Меры по ограничению потребления россиянами алкоголя, прежде всего крепких напитков, будут приводить к дальнейшему снижению насилия.

ВОПРОС: В годы Первой мировой войны существовал сухой закон, а потом произошла революция. Как быть с такой нестыковкой?

Д. А. ХАЛТУРИНА: Нынешняя Россия и Россия начала XX века – две абсолютно разные страны. В начале XX века Россия – это на 90 % аграрная страна, подавляющее большинство населения было неграмотным, более того, обеспечение продовольствием на душу населения было недостаточным. Тогда еще действовали маль-

тузианские закономерности, которые мы наблюдаем сейчас в странах Тропической Африки. Экономические историки показали: непосредственно перед революцией было снижение подушевого потребления продовольствия в городах. Февральская революция 1917 года началась фактически с голодного бунта, вызванного, с одной стороны, снежными заносами, а с другой – некомпетентностью властей. Таким образом, еще работали такие же банальные механизмы, которые вызывали войны на протяжении тысячелетий, и сухой закон, который продержался до 1925 года, тут ни при чем. Сейчас голода в России нет. Россияне сталкиваются скорее с проблемой переизбытка, чем недоедания. Но, тем не менее, уровень убийств раз в 45 выше, чем в Великобритании, раз в 8 выше, чем в Румынии, и т. д. С ростом нефтяных доходов доходы от алкогольной отрасли радикально снизились – это чуть больше 1 % бюджета. Поэтому нормальная европейская алкогольная политика для России никаких катастрофических экономических последствий иметь не будет. В исследовании Всемирного банка «Рано умирать», посвященном катастрофической российской сверхсмертности, показано, что если Россия не решит проблемы со здоровьем населения – а они во многом связаны со сверхпотреблением алкоголя, – то к 2025 г. мы не досчитаемся до 29 % ВВП. Иными словами, сейчас алкоголь – это мощнейший фактор, препятствующий экономическому росту.

А. В. КОРОТАЕВ: Я хотел бы все же вернуться к нашим разногласиям с Назаретяном. Как получается, что если в одном месте когда-то жило десять тысяч человек, а сейчас живет несколько миллионов, эти несколько миллионов друг друга не уничтожают? Возражая Назаретяну, отмечу, что рост морального уровня здесь какую-то роль играет, но гораздо важнее рост потолка несущей способности Земли, вызванный развитием технологии, – люди научились из того же самого куска Земли извлекать на порядок больше продуктов, в противном случае никакие десять миллионов там не жили бы. Это первое. Второй существенный момент: если выросли технологии, то выросли и средства насилия. Почему они не используются? Прежде всего потому, что есть политические регуляторы, блокирующие их использование. Мораль здесь какую-то роль играет, но значительно более важную роль играет банальная полицейская система, а не техно-гуманитарный баланс. Можно ли считать тюрьмы гуманитарной областью? Акцент на гуманитарном факторе сужает тот объем ограничителей, которые сдерживают агрессию.

А. Д. ПАНОВ: По-моему, Андрей Витальевич неверно понимает, что такое техно-гуманитарный баланс. Назаретян говорит не о морали, а о культурных сдержках. Разоружение (или вооружение) населения – это культурный фактор.

А. В. КОРОТАЕВ: Но не гуманитарный! Не надо это называть *техно-гуманитарным* балансом.

А. П. НАЗАРЕТЯН: Предложите лучший термин. Коль скоро вы согласны, что зависимость между технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества является реальным фактором исторического процесса (а вы подтверждаете это и в тексте книги), то ее надо как-то обозначить. Замечу, я ни разу не использовал слово «мораль», я говорил о системе культурной регуляции. Оружие, полиция, армия, тюрьмы – это все элементы культуры. И они функционируют в определенной системе ценностей, составляющих содержательную, то есть гуманитарную, ипостась культуры. Кого, когда, за что, как подвергать насилию – определяется исторически изменчивой системой ценностей, представлений и норм. Поэтому с известной терминологической условностью можно говорить об отношении инструментального и гуманитарного интеллекта, контроля над энергетическими потоками физического мира и контроля над собственными импульсами, о балансе двух ипостасей единой культуры. Разрыв между ними теперь, как и в прежние исторические эпохи, влечет за собой обострение антропогенных кризисов.

А. В. КОРОТАЕВ: Я все-таки отвлекусь от терминологических разночтений. Вместо этого отмечу, что мы подошли к исследованию проблемы насилия с иной стороны, и итоги нашего исследования несколько другие. Попробую суммировать основное содержание нашей книги.

1. Хаотическая динамика на микроуровне может генерировать высокодетерминированное системное поведение на макроуровне. Чтобы описать поведение нескольких молекул газа в замкнутом сосуде, нам потребуются крайне сложные математические модели, которые все равно не смогут точно предсказать состояние системы уже через секунду после начала эксперимента из-за неустранимого хаотического компонента. Вместе с тем поведение многих триллионов таких молекул может быть описано при помощи простых уравнений, способных в высшей степени точно предсказать макродинамику всех основных базовых параметров (и именно из-за хао-

тического поведения, наблюдаемого на микроуровне). По всей видимости, с аналогичным набором закономерностей мы сталкиваемся и в мире людей. Чтобы предсказать демографическое поведение отдельной семьи, нам потребовались бы сложнейшие математические модели, которые смогли бы предсказать лишь очень небольшой процент актуальной вариации именно из-за неустранимого хаотического компонента. Для математического описания поведения систем, включающих в себя на порядки большее число людей – городов, государств, цивилизаций, – потребовались бы заметно более простые модели, обладающие, тем не менее, заметно более высокой предсказательной способностью. В свете сказанного вряд ли неожиданным представляется то обстоятельство, что наиболее простые закономерности, объясняющие исключительно высокий процент всей макровариации, обнаруживаются на уровне социальной системы, самой большой из всех принципиально возможных – на уровне мира людей в целом, на уровне Мир-Системы. Между тем до сих пор господствующий в социальном эволюционизме подход основывается на следующем допущении: закономерности эволюции простых социальных систем должны быть заметно проще, чем закономерности эволюции сложных систем. Логичным выводом из этого, казалось бы, самоочевидного допущения является то, что эволюционисты должны начинать исследование с эволюционных закономерностей простых систем и только после достижения полного понимания закономерностей эволюции простых систем имеет смысл переходить к изучению систем действительно сложных. Мы полагаем, что именно этот подход в значительной степени и завел социоэволюционные исследования в тупик, выход из которого, на наш взгляд, может быть найден в рамках прямо противоположного подхода – от исследования простых законов развития сложных систем к изучению сложных закономерностей эволюции простых систем. Именно данное обстоятельство, по всей видимости, и объясняет то, почему законы истории были открыты так поздно. Мы постарались показать, что законы истории все-таки существуют и они могут иметь очень простое математическое выражение. Однако закономерности социальной эволюции, обладающие достаточным уровнем строгости, для того чтобы их можно было бы назвать законами социальной эволюции, законами истории, обнаруживаются только на том уровне, до которого у математически ориентированных историков, судя по всему, до сих пор не доходили руки, – на уровне Мир-Системы в целом.

2. На наш взгляд, первый полноценный закон истории (т. е. закон исторической динамики, имеющий четкое математическое выражение, дающее соответствие с актуально наблюдаемой динамикой на уровне, характерном для физических законов) был открыт в 1960 году Х. фон Фёрстером и его коллегами. Они показали, что между 1 и 1958 годом н. э. динамика численности народонаселения мира может быть с необычайно высокой точностью описана при помощи простого гиперболического уравнения. За этим стоит простая закономерность – на протяжении большей части существования человечества абсолютные темпы его демографического роста были в тенденции пропорциональны квадрату его численности (у нас, как известно, этим вопросом плодотворно занимался С. П. Капица). Нами было показано, что гиперболический рост численности населения Земли генерировала положительная обратная связь второго порядка между технологическим развитием и демографическим ростом, которая выглядит следующим образом: технологический рост – рост потолка несущей способности Земли (увеличение емкости среды) – демографический рост – больше людей – больше потенциальных изобретателей – ускорение технологического роста – ускоренный рост несущей способности Земли – еще более быстрый демографический рост – ускоренный рост числа потенциальных изобретателей – еще более быстрый технологический рост – дальнейшее ускорение темпов роста несущей способности Земли и т. д. Почему на протяжении большей части человеческой истории общая тенденция демографического роста была гиперболической? Почему абсолютные темпы мирового демографического роста были в тенденции пропорциональны квадрату численности населения Земли? Например, почему рост численности населения с 10 до 100 млн. человек должен был в тенденции приводить к росту абсолютных темпов демографического роста в 100 раз? Наша гипотеза о наличии положительной обратной связи второго порядка между технологическим развитием и демографическим ростом дает этому простое объяснение. Оно заключается в том, что рост численности населения мира с 10 до 100 млн. человек подразумевает, что и уровень развития жизнеобеспечивающих технологий вырос приблизительно в 10 раз (так как он оказывается в состоянии поддерживать существование на порядок большего числа людей). Со своей стороны, десятикратный рост численности населения означает и десятикратный рост числа потенциальных изобретателей, а значит и десятикратное возрастание относительных темпов технологического рос-

та. Таким образом, абсолютная скорость технологического роста вырастет в $10 \times 10 = 100$ раз (так как в 10 раз большее число потенциальных изобретателей будут иметь в своем распоряжении в 10 раз более развитую технологическую базу). А так как численность населения стремится к технологически обусловленному потолку несущей способности Земли, есть все основания предполагать, что и абсолютная скорость роста населения мира вырастет в 100 раз, т. е. будет расти пропорционально квадрату численности населения.

3. Когда мы впервые познакомились с математическими моделями роста населения мира, то испытали к ним определенное недоверие. Действительно, их создание подразумевает, что население мира могло рассматриваться в качестве единой системы на протяжении многих тысяч лет, и уже фон Фёрстер, Мора и Амиот прямо делали это допущение. Однако имеются очень серьезные основания усомниться в его обоснованности. Вплоть до недавнего времени человечество не представляло собой системы ни в каком реальном смысле, ибо, например, рост населения таких регионов, как Старый Свет, Новый Свет, Австралия и Тасмания или Гавайские острова, происходил практически полностью независимо друг от друга. Очевидно, что бурные демографические процессы, происходившие в I тысячелетии н. э. в Евразии, не оказали *абсолютно* никакого влияния на синхронную демографическую динамику, скажем, обитателей Тасмании (да и обратное влияние также было нулевым).

Тем не менее мы полагаем, что картина высокодетерминированной технико-экономической, культурной и демографической динамики мира в 500 году до н. э. – 1500 году н. э. не является случайной. Собственно говоря, она отражает динамику совершенно реальной системы, зародившейся в начале голоцена на Ближнем Востоке в непосредственной связи с начавшейся там аграрной («неолитической») революцией и постепенно охватившей весь мир. Вслед за А. Г. Франком мы называем эту систему Мир-Системой, и вслед за ним мы хотим подчеркнуть, что на то, чтобы Мир-Система охватила весь мир, ушло много тысяч лет; поэтому на протяжении абсолютно большей части своего существования история Мир-Системы ни в коем случае не была тождественна «всемирной истории». Нами было показано, что именно с развитием Мир-Системы связано наличие гиперболического тренда – роста численности населения мира. Наличие гиперболического тренда свидетельствует о том, что бóльшая часть соответствующей общности (а в последнем

случае, напомним, речь идет о народонаселении мира) имела определенное системное единство. Представляется, есть достаточно данных для того, чтобы утверждать, что подобное системное единство в рассматриваемую эпоху реально наблюдалось. Действительно, надежно установлены факты систематического распространения важнейших инноваций (доместицированных злаков, крупного и мелкого рогатого скота, лошади, плуга, колеса, металлургии меди, бронзы, а в дальнейшем и железа и т. д.) с Ближнего Востока по всей североафриканско-евразийской Ойкумене, начавшегося за много тысяч лет. В результате эволюция обществ данного макрорегиона уже в это время не может рассматриваться как полностью независимая.

Конечно, у нас не было бы оснований говорить о Мир-Системе, простирающейся от Атлантики до Тихого океана, даже для начала I тыс. н. э., если бы мы применяли критерий «массовых товаров» (*“bulk-good” criterion*), предложенный И. Валлерстайном. Потому что в это время движение массовых товаров, скажем, между Китаем и Европой отсутствовало (нет оснований не согласиться с Валлерстайном, что попадавший в это время в Европу китайский шелк был предметом роскоши, но никак не массовым товаром). Однако Мир-Система I века н. э. (и даже I тысячелетия до н. э.) может вполне быть представлена именно как Мир-Система, если мы применим здесь более мягкий критерий «информационной сети», предложенный К. Чейз-Данном и Т. Д. Холлом. Мы показываем, что наличие информационной сети, охватывающей всю Мир-Систему, является достаточным условием для того, чтобы рассматривать ее как единое развивающееся целое. Да, в I тысячелетии до н. э. массивные товаропотоки между Тихоокеанским и Атлантическим побережьями Евразии были принципиально невозможны. Однако Мир-Система уже достигла тогда такого уровня интеграции, который делал возможным распространение принципиально важных технологий за промежутки времени, заметно меньшие тысячелетия. Другим важным моментом является то обстоятельство, что даже в I веке н. э. Мир-Система охватывала заметно менее половины всей обитаемой земной суши. Однако гораздо более важно здесь другое: к началу I века н. э. более 90 % населения мира жило именно в тех регионах Земли, которые были интегральными частями Мир-Системы (Средиземноморье, Средний Восток, Южная, Центральная и Восточная Азия). За несколько тысячелетий перед этим существовал пояс культур, обладавший удивительно сходным

уровнем и характером культурной сложности, который протянулся от Балкан до границ долины Инда. Таким образом, уже несколько тысяч лет динамика населения мира отражает прежде всего именно динамику населения Мир-Системы, что и делает возможным ее описание при помощи математических макромоделей. Конечно, бурное развитие технологии в Мир-Системе вплоть до XIX века никак не сказывалось, скажем, на популяционной динамике населения Тасмании, много тысяч лет колебавшегося на уровне 4000 человек. Но кривая динамики общей численности населения мира отражает прежде всего популяционную динамику Мир-Системы, а не тех частей человечества, которые в нее не входили.

4. Сказанное предполагает возможность разработки нового подхода к мир-системному анализу. В рамках этого подхода в качестве наиболее важного механизма интеграции могли бы рассматриваться генерация и диффузия инноваций. Если некое общество систематически заимствует извне важные технологические инновации, его эволюция не является действительно независимой; имеет смысл рассматривать это общество в качестве части некоего большего эволюционирующего целого, внутри которого данные инновации систематически генерируются и распространяются. Одна из главных задач мир-системного подхода заключалась в том, чтобы найти эволюционирующую единицу. Базовым здесь стало именно это соображение: эволюцию отдельного общества невозможно адекватно объяснить, не принимая во внимание то обстоятельство, что любое такое общество было частью некоего более обширного целого. Однако традиционный мир-системный анализ слишком сосредоточился на изучении движения товаров массового потребления и эксплуатации периферии со стороны ядра при почти полном игнорировании роли генерирования и диффузии инноваций в мир-системной интеграции. Вместе с тем информационная сеть оказывается древнейшим механизмом такой интеграции, она играла важную роль на протяжении всей истории эволюции и продолжает играть не менее важную роль в настоящее время. Эта роль представляется даже более важной, чем та, какую играла в эволюции эксплуатация (нередко мнимая) периферии со стороны ядра. (Не принимая во внимание механизм генерирования и диффузии инноваций, невозможно объяснить такие важнейшие мир-системные события, как, скажем, демографический взрыв XX века, непосредственной причиной которого было радикальное снижение смертности, но в качестве главной конечной причины которого вы-

ступала именно диффузия инноваций, генерированных почти исключительно мир-системным ядром.)

Предлагаемый подход предполагает пересмотр определения мир-системного ядра. В качестве последнего имеет смысл понимать скорее не мир-системную зону, эксплуатирующую другие зоны, а ту зону Мир-Системы, которая имеет наивысшее соотношение между сгенерированными внутри нее (и получившими распространение в других зонах) и заимствованными из других зон инновациями, которая выступает в качестве донора инноваций в несравнимо большей степени, чем в качестве их реципиента.

5. Математический анализ вышеописанной системы положительных обратных связей в сочетании с изучением эмпирических данных позволил нам разработать математическую модель, с высокой точностью описывающую экономическую макроэкономику Мир-Системы. Базовое уравнение, описывающее мировую экономическую макроэкономику вплоть до 70-х годов прошлого века, оказалось сопоставимо с демографическим уравнением Фёрстера как по своей простоте, так и по точности описания эмпирических данных. Похоже оно на это уравнение и по форме. Данное уравнение гиперболическое – только речь идет не о простой гиперболе, а о квадратичной. При этом выяснилось, что столь же простыми уравнениями описывается мир-системная макроэкономика и по таким показателям, как, скажем, мировая грамотность или мировая урбанизация.

6. Нынешнее падение темпов роста численности населения мира коренным образом отличается от спадов и колебаний прошлого. Это не очередное колебание, это фазовый переход на новый, не типичный для всей прежней истории режим развития. Все предыдущие спады темпов роста численности населения мира происходили на фоне катастрофического падения уровня жизни и были вызваны прежде всего увеличением смертности вследствие различных катаклизмов: войн, голода, эпидемий. По мере завершения этих бедствий человечество относительно быстро восстанавливалось и выходило на прежнюю траекторию. Нынешний же спад происходит на фоне экономического подъема и вызван качественно отличными причинами: резким снижением рождаемости, происходящим из-за роста уровня жизни основной массы населения Мир-Системы и вызванного этим роста уровня образованности, обеспеченности

медицинским обслуживанием (включая разнообразные методы и средства планирования семьи), социальным страхованием и т. п. Снижение темпов роста грамотности и урбанизации нередко наблюдалось и в предшествующие эпохи, но тогда оно было связано с нехваткой экономических ресурсов, а сейчас происходит на фоне высочайших темпов экономического роста и связано с выходом на уровень насыщения. Таким образом, развитие Мир-Системы было гиперболическим лишь до 1960–1970-х годов. Гиперболическая тенденция, наблюдавшаяся вплоть до этого времени, не могла продолжаться далее сколько-нибудь долго просто по определению. Ведь если бы тенденция роста продолжилась, население Земли должно было бы стать бесконечным уже в 20-е годы этого века, а мировой ВВП должен был бы уйти в бесконечность еще раньше – в 2005 году. Естественно, что задолго до этого развитие Мир-Системы перестало быть гиперболическим, и она начала свой выход из режима с обострением. Разработанные нами математические модели описывают как развитие Мир-Системы в режиме с обострением вплоть до 1960–1970-х годов, так и происходящий в последние десятилетия выход Мир-Системы из режима с обострением.

7. Вместе с тем нами показано, что история Мир-Системы с VI тысячелетия до н. э. может быть описана как движение от аттрактора среднесложного аграрного общества через фазовый переход к аттрактору сложного аграрного общества, далее через фазовый переход к аттрактору суперсложного аграрного общества и далее через фазовый переход к аттрактору постиндустриального общества. При этом индустриальный период может рассматриваться как период фазового перехода от доиндустриального общества к постиндустриальному.

8. Приведенные модели созданы для описания долгосрочных («тысячелетних») трендов. При анализе социальной макродинамики в несколько менее долгосрочном («вековом») масштабе нам необходимо принимать во внимание ее циклические (а также стохастические) компоненты. Анализ именно этих компонент – основная задача второй части *Законов истории*. Реальная динамика аграрных социально-демографических циклов обычно в чем-то прямо противоположна той, что теоретически описывается математическими моделями тысячелетних трендов и реально наблюдается в тысячелетнем масштабе. Например, в ходе аграрных социально-демографических циклов темпы роста численности населения

обычно заметно превышали (вполне по Мальтусу) ту скорость, с которой развивались жизнеобеспечивающие технологии. Это приводило к доминированию именно мальтузианской динамики в данном масштабе времени: рост численности населения сопровождался не увеличением, а сокращением производства основных предметов потребления (прежде всего продовольствия) на душу населения, что обычно приводило к политико-демографическим коллапсам и началу новых социально-демографических циклов.

9. Особое внимание нами было уделено исследованию долгосрочного соотношения между динамикой плотности населения и военной активности. Мы показали, что это соотношение достаточно хорошо описывается математически классической моделью Лотки – Вольтерра, которая, как известно, генерирует именно циклическую динамику. При этом нами было показано, что в долгосрочной перспективе, на уровне «тысячелетних трендов», рост плотности населения сопровождался некоторым увеличением частоты военной активности, но при определенном уменьшении ее «летальности» (что неплохо согласуется с результатами, полученными Назаретяном). В то же время, согласно разработанной нами математической модели взаимодействия циклической и трендовой динамики, рост частоты военной активности наблюдается только до середины фазового перехода от аграрного общества (через индустриальное) к постиндустриальному, после чего уровень военной активности по всем показателям снижается. Между прочим, это заставляет предполагать, что наметившаяся в последние десятилетия тенденция к снижению уровня военной активности как внутри социальных систем, завершивших свою модернизацию, так и между ними окажется достаточно устойчивой.

Л. Е. ГРИНИН: Я бы хотел представить две мои книги, которые так или иначе связаны с темой семинара «Социальное насилие в прошлом и настоящем». Первая монография посвящена проблеме появления и эволюции государственности. Вторая – социологическому портрету нового элитарного социального слоя, который я назвал «люди известности».

Монография о государстве вышла в трех отдельных книгах под общим названием «Государство и исторический процесс». Каждая книга имеет собственный подзаголовок. Первая – «Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства»; вторая – «Эволюция государственности:

от раннего государства к зрелому»; и третья – «Политический срез исторического процесса».

На общем фоне развития мирового исторического процесса я попытался исследовать, как возникло государство, какие этапы развития оно прошло, какие конкурирующие альтернативы имело; какое государство можно считать ранним, развитым и зрелым; в каком направлении развивается современное государство. Что произойдет с государством в ближайшие десятилетия? Как это отразится на России и других странах? Перед этими затрагивающими каждого вопросами темы, связанные с теорией и историей государства, приобретают практическую и идеологическую актуальность.

Сегодняшний семинар посвящен проблемам насилия. А государство и насилие тесно связаны между собой. Это видно даже из дефиниций государства, анализу которых посвящена специальная глава в книге. Достаточно вспомнить, что три известных определения государства в центр этой дефиниции кладут именно аспект насилия. Марксистский подход определяет государство как аппарат или машину насилия, предназначенные для обеспечения эксплуатации одних классов другим. В данном случае, конечно, нет смысла останавливаться на достоинствах и недостатках этого определения. Характерно, что и дефиниция, вовсе избегающая классового аспекта, концентрируется на насилии. Я имею в виду знаменитое определение Макса Вебера, которое широко распространено в западной науке и которое связывает государство с монополией на законное (легитимное) насилие. «Государство – это общество, которое претендует на монополию законного применения физической силы внутри определенной территории». Правда, не могу не заметить, что это определение пригодно в основном для современных государств, так как древние часто оставляли такое право на насилие, в частности на месть, за индивидами. Наконец, Эрнст Геллнер рассматривал государство как специализированную и концентрированную силу поддержания порядка. Очевидно, что это предполагает потенциальное насилие.

Все это, разумеется, не случайно. Государство – это власть. А любая власть в той или иной степени опирается на насилие или угрозу применения насилия. Иногда насилие выступает в голом, неприкрытом виде. Это особенно очевидно на примере оккупационных властей, государств, образовавшихся в результате завоевания, террористических государств, диктатур. Иногда насилие в функ-

ционировании властных структур не выходит на первый план, но оно присутствует всегда. Заметим, однако, что государство представляет собой особый феномен, связанный с насилием. Подискутируем в связи с этим об одном важном моменте, о котором говорил Акоп Назаретян. В частности, он утверждает, что:

Новая технология (не только военная) часто представляет угрозу для существования общества, но она реально опасна лишь до тех пор, пока общество культурно и психологически не «приручит» ее и не выработает адекватный уровень самоконтроля. Например, очень серьезную угрозу для передовых цивилизаций своего времени несло огнестрельное оружие, раньше – стальное оружие, еще раньше – бронза, лук со стрелами и т. д. После того, как произошла гуманитарная притирка к новой технологии (*fitting*), технология становится тем менее опасной, чем более она потенциально разрушительна. Так, от баллистических ракет в мире не погиб никто и, вероятно, уже не погибнет...

Я полностью согласен, что со временем новые и реально (или потенциально) опасные для общества технологии как бы нейтрализуются опытом, новыми отношениями, включая самоконтроль. Но, мне кажется, здесь преувеличена роль культурного и психологического компонента и недооценена роль других отношений и институтов. Часть этих отношений и институтов я бы назвал *контрнасилием*, которое играет роль противовеса опасности возрастания насилия, поскольку как бы сдерживает возможность применения модернизированного технологией насилия; а часть – *ограничителями и регуляторами* насилия.

Государство может выступать и в том и в другом виде. В первом случае в отношении не своего, а чужих государств, а во втором – регулируя отношения и опасности, связанные с насилием, внутри собственного общества.

Контрнасилие сильно сдерживало распространение насилия с самого начала человеческого общества. Назаретян говорит, что у рода *Ното*, начиная с *Ното habilis*, образовался дисбаланс между инстинктивными ограничителями насилия и мощью искусственных технологий и что биологический вид, сочетающий «психологию безоружного голубя с ястребиным клювом», должен был оказаться нежизнеспособным, так как «слишком высокая доля конфликтов завершалась бы гибелью особей». Указанное явление – отсутствие врожденных ограничителей агрессивности у людей – действительно имеет место и отмечается рядом этологов. Однако все же следует учесть, что в человеческом обществе изначально отсутствовала *монополия* на такую технологию использования и применения

оружия, а, следовательно, насильник и агрессор всегда подвергался опасности и сам. А если кто-то может получить отпор, то его агрессия быстро сдерживается. Каким бы агрессивным ни было животное, обычно оно достаточно быстро начинает понимать, на кого стоит кидаться, а на кого нет. А наши предки все же выделились из животного мира именно интеллектом. Психология несдерживаемого инстинктами насилия в ситуации отсутствия монополии быстро натывается на отпор и трансформируется в направлении ограничения насилия к тем, кто может дать достойный отпор. Костяными, каменными и иными видами оружия уже в далекой предыстории были вооружены все мужчины. Мало того, мне думается, что вооружение мужчин даже уменьшало разницу в физической силе, поскольку в какой-то мере уравнивало шансы физически более и менее сильных людей: слабый в мускульном плане человек мог быть более ловким, хитрым или искусным в применении оружия.

Гипотеза Назаретяна о том, что невротический страх живых перед мертвыми (некрофобия) создал соразмерный фактор искусственного торможения агрессии, заменил недостающий инстинкт, послужил зачатком будущей духовной культуры, представляется весьма интересной. Однако, думается, и страх перед живыми, которые могут дать тебе отпор, напасть на тебя ночью, отомстить и т. п., был не менее (если не более) важным сдерживающим фактором и, следовательно, основой для формирования культуры восприятия соплеменников как тех, кого не надо убивать.

Акоп Назаретян формулирует вывод: *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества.* И выдвигает гипотезу, что указанная зависимость на всем протяжении человеческой истории и предыстории служила механизмом отбора жизнеспособных социальных систем и последовательной отбраковки сообществ, не сумевших своевременно адаптировать культуру саморегуляции к возросшим инструментальным возможностям. Действительно, общества, которые не сумели изменить свою культуру соответствующим образом, отбраковывались и погибали.

Здесь, однако, стоило бы развести ситуацию с насилием в отношении своего общества и в отношении чужаков и чужих обществ. Попутно отмечу, что понятие «своих» и «чужих» вместе с социальным прогрессом постоянно меняется, тенденция идет на то, что круг «своих» расширяется. В частности, в догосударственных обществах этому способствовали такие институты, как, например,

мнимое родство, побратимство в родовых обществах, обычаи гостеприимства. Важно, что в большинстве случаев внутри собственного коллектива психологические ограничители действуют сильнее, чем в отношении чужих. Таким образом, ограничение агрессии в отношении своих нередко как бы направляло и канализировало ее в отношении чужих. Мало того, сплочение своих лучше всего достигается враждебностью и агрессивностью к чужим, которые часто являются объектом возможного проявления амбиций лидеров и молодежи, стремящихся пожить за их счет. Следовательно, те общества, которые были слабыми, всегда подвергались опасности оказаться жертвами насилия и агрессии. Поэтому те социумы, которые не сумели поднять свои социальные и военные технологии до такой степени, чтобы защитить себя от врагов и быть для них опасными, погибали в огромном количестве. Выживал сильнейший. А сильнейшим часто был наиболее агрессивный и активный, лучше вооруженный и обученный. Таким образом, непрерывная борьба насилия и контрнасилия постоянно вела к тому, что: а) росла мощь военных и иных технологий в процессе такого соперничества между обществами, поскольку тот, кто получал военное преимущество, быстро его реализовывал в захватах и грабежах; б) для выживания другие быстро вводили подобные инновации; в) возникал баланс сдерживания агрессии, на основе которого формировались и психологические установки о желательности мира и прочего.

В числе факторов контрнасилия, своего рода противовесов агрессии, стоило бы назвать институт кровной мести, который был могущественнейшим фактором, с одной стороны сдерживающим возможность обижать членов других родов, ибо за этим следовали тяжелые для всего рода обидчика санкции, а с другой – спланивающим членов одного рода (в том числе и с точки зрения невозможности убийства родича и т. п.). Такой институт очень долго существовал, он с трудом изживался даже в ранних государствах.

Еще более важным фактором контрнасилия выступало государство. В процессе исследования я пришел к выводу, что появление государства обычно требовало, помимо некоторой зрелости обществ, еще и некоего дополнительного фактора, связанного с резким изменением привычных обстоятельств и условий. В их числе могли быть переселения, резкое обострение внутреннего противостояния, появление новых источников богатства, установление связей с другими обществами, появление новых технологий (в частности, оружия), но особенно – внешняя опасность, успешные войны. Иными

словами, военный фактор в том или ином виде всегда присутствует при процессе появления государства. Объединение тех или иных народов в государства диктовалось либо стремлением увеличить свою мощь и совершить агрессию в отношении других, либо сохранить себя от агрессии. Принцип: «Хочешь мира – готовься к войне» – в более широком плане мог бы звучать: «Хочешь быть сильным – организуйся!». Вот государство и было одним из проявлений новых политико-социальных технологий, повышающих силу и способность ей противостоять. И остается таким до сих пор.

В истории постоянно формировались те или иные институты, благодаря которым насилие сдерживалось и/или канализировалось, а тем самым обретался некий порядок. Мы видим этот процесс постепенного сдерживания и регулирования насилия: сначала на индивидуальном уровне, потом на корпоративном (в отношении родовых групп), потом уже на уровне государства.

Такие институты, как показывает исследование Назаретяна, могли иметь гуманитарный, психологический, социально-гуманитарный характер. Но они имели и чисто социально-политический или правовой аспект. К числу таких институтов относится, например, суд, который начал формироваться еще в догосударственную пору.

Государство стало одним из мощнейших способов регулирования и канализации насилия. Главное направление шло в том русле, что государство постепенно все более ограничивало право своих жителей, подданных, граждан, на несанкционированное использование насилия. Поэтому Макс Вебер и определил государство как единственный орган, имеющий право на законное применение физического насилия.

Государство регулирует и канализирует насилие как внутри общества, так за его пределами. Внутри общества идет нормирование насилия (оно шло и в догосударственном или негосударственном обществе в виде различных традиций, табу, запретов и пр.), в ряде случаев – смягчение насилия: каторга вместо смерти, штраф вместо того, чтобы калечить человека; повышение планки, когда и в отношении кого дозволено насилие (в частности, в отношении членов семьи и домочадцев). Вполне очевиден и вектор стремления государства упорядочить и ограничить насилие, которое может нанести ущерб государственным интересам. Это касается, например, борьбы с грабежами и разбоями, запрета насилия в отношении купцов и собственников, указов, ограничивающих произвол дворян в отношении крестьян и горожан, и т. п. Даже самые жестокие общества могли быть образцом в этом отношении. Например, Чин-

гисхан требовал создать такую безопасность на торговых путях, чтобы можно было ходить безбоязненно с золотыми слитками на голове. В отношении внешних дел государство постепенно монополизирует и возможность применения насилия к другим обществам, хотя частные инициативы походов в чужие страны бывали и в довольно поздней истории. Вспомним, например, подвиги легионеров Римской республики, действия казаков против татар и Турции, поход Ермака и т. п.

Помимо государства существовали и иные социальные институты (хотя и менее важные), особенно сословные или корпоративные. Например, дуэли, которые вполне можно рассматривать как форму регулирования насилия между членами высшего сословия и его легитимации.

ВОПРОС: А какое определение государства даете вы?

Л. Е. ГРИНИН: Я определяю государство через понятие системы институтов как особого рода организацию. Государство – это понятие, с помощью которого описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества. Данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью (автономностью); б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

ВОПРОС: Насколько широко была распространена кровная месть и почему государственная власть терпела ее?

Л. Е. ГРИНИН: Кровная месть была весьма широко распространена. Не могу сказать, была ли она универсальным явлением, но она встречается у очень многих народов. Вендетта, известная на Корсике и Сицилии, – это тоже форма кровной (или корпоративной) мести. Впрочем, объединения мафиозного типа недаром называются семьей. В США еще в XIX веке бывали такие случаи. В частности, в романе Марка Твена описывается такой случай на Юге. Известен так называемый закон талиона (который упоминается и в Библии, и в Коране): око за око, зуб за зуб. Это как раз выражение такой мести: ущерб должен быть возмещен в том виде, в каком был нанесен. И только постепенно ущерб стал оцениваться в какой-то

стоимости. Причем эта практика складывалась во многих местах (особенно там, где были развиты товарно-денежные отношения). Государство потом только санкционировало практику выплаты штрафа (виры) за убийство и нанесение телесного вреда. Кровная месть могла весьма долго сохраняться в государстве. Например, «Русская правда» допускала ее еще в XI веке. Дело в том, что ранние государства были еще весьма слабыми и неполными. Внутренний порядок их не особенно беспокоил, гораздо больше – внешние дела, войны и прочее. Кровная месть считалась личным делом людей. Власть исходила из того, что чем меньше у нее проблем, тем лучше, чем больше дел решается на месте, тем проще, поскольку специального аппарата не было. Внимание привлекали прежде всего дела, которые могли быть выгодны государственной власти. Когда постепенно стало осознаваться, что регулирование конфликтов может принести выгоду государству, им стали уделять больше внимания. В частности, появились статьи законов, согласно которым штраф выплачивался уже не потерпевшему, а в казну.

Л. Е. ГРИНИН: Теперь мне хотелось бы сказать о другой моей книге, также выделив в ее тематике аспект насилия. Книга «Звезды без грима» написана в научно-популярном жанре, что нашло выражение и в названии. Однако она посвящена важной философско-социологической теме. В ней я изложил свою теорию, согласно которой в современном обществе сформировался новый влиятельный и получающий все большие доходы социальный слой. Я назвал его *люди известности*. Эта весьма разношерстная публика включает в себя работников телевидения, газет и других средств массовой информации; деятелей искусства, театра, литературы, кино; представителей шоу-бизнеса и моды; спортсменов, а также и просто по разным причинам известных и узнаваемых людей. Общим для всех этих групп знаменитостей является то, что они эксплуатируют свою популярность, конвертируя ее в большие деньги, связи и разные блага. Ведь известный человек может получить большой гонорар просто за рекламу (а есть еще интервью, мемуары, лекции и т. п.). Рост влияния и доходов людей известности обусловлен мощнейшим развитием средств связи и коммуникаций, а также увеличением оборотов рекламного и шоу-бизнеса.

Хотя известность возникла в человеческом обществе намного раньше, чем в нем появилось богатство, долгое время слава не давала больших доходов. Знатность и богатство – вот что было главным для людей. С ростом информационных технологий ситуация

изменилась. Я попытался доказать, что личная известность является одним из тех видов благ, которые, наряду с властью, богатством, престижем, статусом и привилегиями, создают важнейшие линии неравенства в обществе (и его структурирование в соответствии с этими линиями). При этом значение известности как социального феномена в современной жизни возрастает.

По благосостоянию «люди известности» стремительно приближаются к крупным собственникам. Сегодня многие спортсмены, артисты, певцы, шоумены, топ-модели получают в год десятки миллионов долларов и по уровню личного дохода обгоняют даже солидных предпринимателей. Пятьдесят лет назад выдающийся американский социолог Райт Миллс в книге «Властвующая элита» указывал, что в Америке профессиональные знаменитости встали в ряд с людьми из «четырёхсот семейств» центральных городов, т. е. самых богатых семейств Америки. Теперь похожие явления стали характерными и для многих других стран. В моей книге дан социологический портрет новой элиты – «людей известности» – современного общества. В их среде существуют особые неписанные правила, свои иерархия и мораль. Они обладают харизмой, являют образец успеха в жизни, дают пример для подражания миллионам людей. Власть масс-медийной известности базируется на комбинации мощнейшей силы современных информационных и медиа-технологий, психологического насилия и обмана, на игре с подсознанием, на притягательности и гламурности звезд и других известных персон. А такая скрытая власть едва ли не сильнее, чем любая другая власть, дает возможность злоупотребления и насилия. Поэтому необходимо ввести разумные ее ограничения. Последнее тем более важно, что существует тесная связь между тем, что слава стала приносить большие выгоды, и усилением стремления создать незаслуженную, дутую славу, заменить настоящий талант фальшивкой, выгодную обществу конкуренцию за успех – «раскруткой» через масс-медиа. Для достижения, удержания и увеличения известности в широких масштабах стали применяться такие шоу и информационные технологии, в которых исключены императивы морали, общественного долга, ответственности перед публикой, стремления к совершенствованию своего мастерства. Напротив, широкое распространение получили идеи: «Скандалная слава на поверку бывает самой устойчивой»; «Скандал – это зритель в зале, это уже успех».

Но самое опасное, на мой взгляд, заключается в том, что многие звезды стали навязывать свою корпоративную, узкоэлитарную

мораль (по сути, богемную мораль, которая раньше была распространена только в узком кругу) всему обществу. В результате общество, особенно дети и молодежь, теряют нравственные ориентиры. Сегодня уже не так легко ответить на вопрос, какой аморальный поступок должна совершить «звезда», чтобы общество отвернулось от нее, а СМИ стали для нее закрытыми.

Это совершенно новое и очень опасное явление современной жизни. Люди во всех слоях общества нарушали моральные нормы всегда. Но, как правило, свои неблагоприятные дела они предпочитали не афишировать, скрывать и уж тем более, за редким исключением, не отваживались объявлять такие вещи достойными. Теперь кумиры публики наперебой не только хвастаются своими пороками, отклонениями, но даже специально стремятся выдумать и сообщить о себе побольше скверного.

Подобное систематическое воздействие вполне правомерно определить как информационное и морально-психологическое насилие, которое ломает нравственные нормы и иные стереотипы ради выгод определенного слоя и определенного бизнеса. Насилие заключается также и в том, что у массы людей создается своего рода зависимость, необходимость в получении через средства коммуникации обильной порции слухов, сплетен, «желтухи», скандалов, непотребности, эротики и прочего. Думаю, что вред от такого насилия соизмерим с вредом от наркотиков и алкоголя. Только его последствия не сразу видны.

Таким образом, известность и погоня за ней стали агрессивными. Чтобы привлечь внимание к себе, известные люди и их продюсеры, являясь частью громадного бизнеса, пытаются воздействовать на темные стороны человеческой психики: страстишку совать нос в чужие дела, стремление заглядывать в чужие спальни и узнавать чужие секреты, мусолить интимную жизнь других, копаться в грязи, участвовать в чужой глупости; культивируют в людях такие качества, как хвастовство, бесстыдство, скандальность, нескромное поведение в обществе, желание выносить сор из избы, страсть к сценам насилия и разврата и т. п. И чем больше популярности такие вещи приобретают в средствах коммуникации, тем больше народу принимает это как должное, воспринимает как норму, буквально жить без этого не может; и тем труднее приходится людям, которым все это не нравится.

Акоп Назаретян высказал в своей книге верную мысль, что появление новых мощных технологий и средств насилия требует от общества способности выработать культурные и психологические

идеи и формы, а также необходимый уровень самоконтроля, которые позволили бы уменьшить угрозу этих технологий. Эта идея вполне применима и к «людям известности». С другой стороны, информационное общество создает мощные технологии, используемые шоу и рекламным бизнесом, которые оказывают особого рода воздействия на интеллект, эмоции и процесс формирования желаний. Эти технологии несут огромный заряд того, что можно назвать эмоциональным и психологическим насилием, и, по сути, являются технологиями «массового психологического поражения». Вот почему необходимо ввести разумные ограничения.

ВОПРОС: Вы говорите об ограничении воздействия продукции шоу-бизнеса на общество. А какие меры вы считаете возможным этому противопоставить?

Л. Е. ГРИНИН: В книге обсуждается целый ряд возможных мер. Наиболее очевидная – принять на уровне закона запрет на исполнение под фонограмму. Это прямой обман публики, и такая мера уменьшит возможность для продюсеров «делать» звезд из исполнителей, полностью лишенных таланта и голоса, создавать «двойников», параллельные коллективы и т. п. Второе: необходимо признать, что передачи, произведения, песни и прочее, которые транслируются через СМИ, есть товары массового потребления, и применить (с учетом их специфики) к ним законодательство о товарах массового потребления.

ВОПРОС: Но тогда вы нарушите свободу слова и свободу творчества! Как же быть с конституционными свободами?

Л. Е. ГРИНИН: Это и есть одна из причин неутешительного состояния дел, и она тем более важна, что о ней почти не говорят. В отличие от остальных сфер бизнеса, в поп-культуре отсутствуют требования именно к качеству товара (песен, фильмов и т. д.), которые позволили бы ввести процесс в определенные рамки. Другими словами, нет четких минимальных стандартов, которым должны отвечать товары духовного потребления в плане содержания, нравственности, воздействия на психику, что и позволяет ориентироваться на самые низкие чувства людей. А нет никакого ограничения эксплуатации этих инстинктов потому, что поп-деятели прикрываются правом на свободу творчества и слова. Вот только чему служит эта свобода?

Сотни лет люди боролись за то, чтобы для творческих деятелей, писателей, поэтов, философов, ученых существовала свобода слова, выражения мыслей, творчества. До сих пор эти понятия кажутся святыми и неприкосновенными. А коммерсанты и деятели современного поп-искусства ловко используют эти представления для прикрытия своей антиобщественной деятельности, паразитируют на них. «Как можно ограничивать свободу творчества, если это записано как важнейшее право в конституциях!» – восклицают они, отвечая критикам. Но кто решил, что это право нужно для развращения миллионов людей, для пропаганды зла, насилия, жестокости и вседозволенности? Получается, если на всю страну ругаться матом – это свобода слова, а если этого же ведущего кто-то на улице обматерит – это оскорбление личности. Если кто-то развратил малолетнего – он растлитель, его нужно упечь в тюрьму. А если кто-то через экран развращает миллионы – его не тронь, у него свобода творчества. Как говорится: за что воров прощают, за то воришек бьют. Такой вот абсурд.

На это можно взглянуть и с другой стороны. В большинстве стран законодательство предусматривает свободу экономической деятельности. Но такая свобода вовсе не означает, скажем, свободы выпускать продукты питания с содержанием химических веществ, смертельных для человека. То же законодательство это строго запрещает. Духовное производство до сих пор из этой системы норм странным образом выпадает.

Здесь необходимо выбирать одно из двух: или вы делаете товар массового спроса, и тогда он будет подвергаться всем тем требованиям и проверкам, как и любой другой товар, без оглядки на пресловутую свободу слова. Или вы создаете произведение искусства. Но тогда и не оправдывайте низкое качество тем, что ориентируетесь на людей, ничего в нем не понимающих. Пока шоу-бизнес и родственные с ним области будут сидеть на этих двух стульях (когда надо – искусство, когда надо – товар), нас будут продолжать отравлять с экрана гнилым и опасным продуктом, мы будем продолжать расплачиваться за все, в том числе нравственным и психическим здоровьем наших детей.

А. П. НАЗАРЕТЯН: Тема насилия необъятна, ее, как ремонт в квартире, невозможно завершить, возможно только остановить. Так что мы регулярно будем к ней возвращаться. Например, по поводу данных, приведенных Андреем Коротавым, стоит напомнить

данные, которые приводят сторонники легальной продажи огнестрельного оружия. Лишь полпроцента убийств в США совершается легально приобретенным оружием, зато более половины преступников задерживаются вооруженными гражданами до приезда полиции. А лично мне лучше, чем Северная Америка, знакома Америка Южная. Например, в Коста-Рике вовсе отсутствует профессиональная армия, но владение оружием не запрещено. Большая часть населения – иногда даже женщины – имеют огнестрельное оружие. Причем я хорошо знал эту страну тогда, когда она была окружена пылающими Никарагуа, Сальвадором, нестабильной Панамой. И вот я, советский человек, привыкший думать, что стоит что-либо дозволить (порнографию, оружие и т. д.), как народ начнет этим злоупотреблять, при первом посещении Коста-Рики принялся задавать знакомым наивный вопрос: как же у вас при конфликтах люди не стреляют друг в друга? Ответы были для меня настолько неожиданными, что сначала я подумал, что надо мной издеваются. Мне говорили: если кто-то начнет в компании размахивать оружием, угрожать, то его «уважать перестанут», «в следующий раз не пригласят в гости»... Поскольку ответы были приблизительно в одном духе, я убедился, что со мной говорят серьезно и что сам вопрос для них удивителен. По-моему, этот опыт полезно осмыслить.

Благодарю всех участников семинара, активных и сочувствующих. И надеюсь, что среди пока еще только сочувствующих, а также среди читателей журнала найдутся желающие включиться в полемику.